

Любовь Прибыткова.

Кандидат философских наук, доцент Иркутского государственного педагогического университета.

Не дай бог нам таких учителей!

Ехала я на днях в город в хорошем расположении духа, которое улетучилось мгновенно, когда в троллейбус зашла молодая девица в модном полушубке, сшитом из светлых полосок шкуры какого-то неизвестного мне зверя, черных брюках, вязаной шапочке и ботинках-танкерах. Вошла эта молодая особа и стала препираться с кондуктором. Не стоило бы обращать на их перепалку внимания, сейчас это так часто случается. Городской транспорт ходит редко, жизнь у большей части населения страны ухудшилась за последние десять лет чуть ли не на порядок, знакомые, как правило, не рассказывают, как они живут, а с горечью друг с другом делятся, как сводят концы с концами, как выживают. Тут не до реверансов.

Иной читатель подумает с первых строк, в стране взрывы домов, машин стали обычным делом. Во многих городах месяцами школы не работают, отключенные то от света, то от тепла. В благоустроенных многоэтажках жильцы кирпичные печки складывают, подумать только, чтобы выжить в лютые зимние морозы. Почти в каждом городе периодически пресса потрясает мирного обывателя ужасами заказных убийств, а тут журналист взялся писать о грубом диалоге /всего лишь/ между пассажиром и кондуктором. Писать что ли больше не о чем. Ведь не убила же девица никого, не ограбила, пояс шахида на себя не одела, чего же еще надо...

Так то оно так, да не совсем. Мое внимание привлекли самоуверенный тон, какое-то запредельное высокомерие и грубость, с какой разговаривала девица с кондуктором. “Иди отсюда, что привязалась”, - вызывающе бросала модница в лицо пожилой женщине, находящейся при должностных обязанностях. “Надоело смотреть на твою рожу...” На улице, между прочим, после таких слов можно и схлопотать по собственной, тем более такой наглой... Обращаясь к кондуктору не выдержал пассажир: “Это же отморозок, ее разве можно в чем-то убедить!”

Я была потрясена увиденным и услышанным. Вышла на конечной, пошла за молодой, хотелось посмотреть ей в глаза, высказать ей все, что я думаю о ее безобразном поведении. Подумалось: “Наверное, торгует рыбой или окорочками на морозе. Работа тяжелая. Продавцы попивают, чтобы согреться, не все молодые выдерживают...” Пока я так размышляла со смешанными чувствами, девица заскочила в здание биолого-почвенного факультета Иркутского государственного университета /ИГУ/. Вот это да! Значит, студентка.

Но здесь началось самое интересное. Не так-то просто было узнать имя этой женской особи. Сама она категорически отказалась себя назвать. Лаборант кабинета физиологии, куда зашла студентка, женщина в возрасте, тоже отказалась мне помочь. Преподаватель Бояркина дважды проигнорировала мою просьбу помочь мне узнать имя этой студентки. А я к каждому из них обращалась, представившись доцентом соседнего с ними педагогического университета, показав им и удостоверение журналиста. Бояркина не отреагировала даже на мою реплику: “У вас здесь что, подпольная законспирированная организация?” И я недоумевала, если все априори знают, что студентка права, зачем так упорно скрывать ее имя?

Картина, наконец-то, прояснилась в кабинете декана Граниной Натальи Ивановны. Она пригласила для беседы меня и заместителя декана по воспитательной работе Надежду Евгеньевну. Молоденькая хамка оказалась студенткой 5 /!/ курса факультета БУЛАТОВОЙ Анастасией, то есть без пяти минут дипломированным педагогом. Руководство факультета, похоже, было явно удивлено, что все это произошло именно с этой студенткой. Я услышала, что она такая хорошая, общественница-активистка, участвует в КВН, уже читает лекции первокурсникам, “работает, подрабатывает”, а где подрабатывает, мне так и не сказали, хотя я задала вопрос дважды. А кондукторы, это в основном немолодые женщины с низкой зарплатой, жизнью недовольные, и у них негативная реакция на людей хорошо одетых... Студентка же оценила свое поведение так: “Мои слова были не оскорбление, а оборонение...” Хотя такое слово не было мне известно, но я поняла, о чем речь.

От чего же она оборонялась своим барским отношением к простой женщине? “Кондуктор посмотрела на меня, как на червяка”, - рассказывала студентка. Так и хотелось спросить: “Почему же взгляд на вас у работающего человека вызвал такую ассоциацию?” Студентка продолжала: “Она хотела, чтобы я при входе проездным билетом ткнула ей в нос”. Согласитесь, язык будущего учителя в кабинете декана факультета – более чем удивителен. Хотя, если сравнить этот факт с услышанным, как в одном из близлежащих от Иркутска поселков молодая учительница начальных классов сидела в кафе вдребезги пьяная, удивляться уже не приходится. Но не об этом речь.

А почему бы и не поднять входящему в транспорт пассажиру над собой билет, тем более что в полупустом троллейбусе кондуктор всех входящих сопровождает взглядом. Понять это не сложно. От проданных билетов зависит ее трех-четырёх тысячная зарплата. При тех “проклятых коммуниках” так и было. Достаточно было при входе в транспорт поднятой вверх на секунду руки с проездным билетом, чтобы сообщить всем – я не безбилетник. Кондукторов ведь в последнее советское десятилетие не было. Государство нам доверяло.

Нынешняя российская рыночная власть походя разрушила многие высокие отношения между людьми, сложившиеся в советское время. Продала за бесценок большую часть предприятий частникам, помогла им отмыть криминальные капиталы, те превратили производственные здания в торговые центры и выбросили на улицы миллионы трудящихся. А чтобы выпустить пар из перегревающегося котла народного гнева, создать рабочие места для образовавшейся массы безработных и дать им возможность немного зарабатывать, чтобы не умереть с голоду, два маленьких металлических компостера в автобусе, трамвае, троллейбусе заменила на кондуктора. И появились тысячи кондукторов в стране. “Демократы” это прогрессом называют.

У нас, кстати сказать, теперь все как в цивилизованных странах. В каждом магазине, офисе, школе, институте, в проходных предприятиях и учреждениях - многочисленная охрана. Тьма охранников везде. Что-то я не помню, чтобы в советское время пройти в здание института можно было лишь через строй охранников в камуфляжной форме. Сейчас же они

тща-а-а-тельно разглядывают пропуск, с пристрастием выспрашивают, к кому и зачем идешь – бдят. До обысков пока не дошло, и на том спасибо. Каждую электричку сопровождает десяток здоровенных лбов, которым бы пахать, сеять, добывать уголь, а не демонстрировать в вагоне свое телесное совершенство, обтянутое пятнистой формой.

Гляжу на эту громадную охранную армию, сердце жалостью обливается. Идет обесчеловечивание, оскотинивание молодых людей, да и не только молодых. Целый день стоят на страже неизвестно чего /где склады, там понятно/, тупо смотрят на бесконечно мелькающие лица, пропуска, лишь изредка для разнообразия погрызаются с человеком, рвущимся прошмыгнуть без пропуска. Ни учебы, ни профессии, достойной мужчины, развивающей тело, ум, силу духа, волю. Медленная деградация тысяч молодых.

Что касается “плохого” отношения бедных к богатым, о чем зашел разговор в деканате, то ведь это естественно. Противоестественно противоположное. В современной России к сытым и богатым “хорошо” относится только человек холопской сущности, человек, который ничего не понимает в том, что произошло и происходит сейчас в нашей стране. Человек, которого хлещут по одной щеке, а он с холуйской покорностью подставляет другую. Человек с нутром раба не имеет собственного достоинства, у него неразвито чувство гордости. Он всем своим поведением ежедневно демонстрирует терпение, смирение, всепрощение. Именно это безнравственно и недостойно настоящего Человека.

“Единая Россия” - партия управленцев /менеджеров, президентов, директоров предприятий, ректоров вузов, заведующих поликлиниками и других начальников/, возглавляемая сытым президентом, все остальные буржуазные партии, мало чем отличающиеся от первой, страну превратили в загон для наемных работников, современных рабов. В нем полно начисто “забытых” деревень и поселков без света, средств связи, без общения с миром. В этом загоне крошечное меньшинство может казнить или миловать, давать жить или предоставит праводохнуть с голоду. В нем могут принять тебя на работу, если выгодно, или выгнать всех /число значения не имеет/ с работы, если шахта или завод перестали давать нужную работодателю

прибыль. В стране более 10 миллионов безработных, 1/3 детей школьного возраста нигде не учится, 5 миллионов голодных детей-беспризорников - с криминальными наклонностями, 1/2 выпускников высших учебных заведений не может устроиться работать по специальности, в некоторых вузах скоро с лупой не найдешь студентов-бюджетников. Все это буржуазную власть не волнует и НИКОГДА волновать не будет. Хоть на сто рядов перетасуйте всю колоду политических деятелей.

Так что между нами, девочками, говоря, простите, между нами, вузовскими учеными, говоря, в норковых шубах сегодня ходят воры и мошенники, их жены и их дети. Как сыр в масле купаются сегодня только преступники, жены преступников, дети преступников. Жируют эти 2% сформировавшегося класса собственников, класса буржуазии /только что опубликованы итоги переписи/ и их ближайшие сподвижники за счет ЭКСПЛУАТАЦИИ /обворовывания/ большей части населения страны. Миллионные прибыли у буржуа от святого духа не появляются. Сегодня лишь слабоумные верят, что приватизация национальных богатств страны прошла честным законным путем.

Ну и как прикажете кондуктору, рабочему, да и вообще любому человеку, ЧЕСТНО зарабатывающему себе на жизнь, относиться к “сытым” - наглым, безнравственным, жестоким и хищным, по своей сути, людям? Нет! Мира у нас с господами, новоявленными хозяевами не получится. Так что всякие призывы к ТОЛЕРАНТНОСТИ /лат. – терпимость/ в нынешнем российском обществе - обыкновенный околонучный и пропагандистский треп.

Ну, а что касается Насти Булатовой и таких как она, то избави бог нас от таких учителей. Она уже впитала в себя безнравственность сытых, их высокомерие и пренебрежение к людям труда. А УЧИТЕЛЬ – это всегда должно звучать гордо! Это – всегда созидатель, творец, защитник угнетенных и обездоленных. Это ответственность за все, что вокруг тебя. Это всегда смелость и бескомпромиссность в борьбе за правое дело с несправедливостью, сила духа. Иначе – беда.

2005г.